

А. И. Кяхрик, Развитие и структура системы глагольного словоизменения в вепском языке (на материале южновепского диалекта). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1985.

13 июня 1985 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником Института языка и литературы АН ЭССР А. Кяхрик «Развитие и структура системы глагольного словоизменения в вепском языке (на материале южновепского диалекта)» (научный руководитель Т.-Р. Вийтсо). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту), кандидат филологических наук М. Зайцева (Петрозаводск).

Система глагольного словоизменения прибалтийско-финских языков заметно отличается от таковой более дальних родственных языков, свои особенности имеют при этом и отдельные языки. По выявлению как общих закономерностей, так и отличительных черт до сих пор удалось сделать сравнительно немного. Исследованным в этом плане можно считать лишь эстонский литературный язык благодаря работе Ю. Вике «Классификаторная модель эстонской морфологии (автоматический синтез глагольных словоформ)» (1978).

Сделан следующий шаг — исследование А. Кяхрик «Развитие и структура системы глагольного словоизменения в вепском языке (на материале южновепского диалекта)», которое включено в обширную программу Института языка и литературы АН Эстонской ССР. Конечная цель программы — составление обстоятельного обзора о развитии грамматической структуры и лексики прибалтийско-финских языков. Работа А. Кяхрик отличается новизной и актуальностью рассматриваемых проблем, причем подобное исследование в области диалектной морфологии глагола вообще выполнено впервые. Забегая несколько вперед, можно констатировать, что со всеми поставленными задачами А. Кяхрик успешно справилась.

Первая публикация автора по данной теме появилась в 1974 году. В 1976—

1983 гг. она шесть раз побывала у носителей южновепского диалекта. Извлеченный из публикаций материал значительно пополнен во время полевых работ. Так, из 2000 глаголов 196 впервые зафиксированы во время лингвистических экспедиций. Сбор основных исходных данных о глагольных формах и детальная проверка их могли быть осуществлены только в живом контакте с информантами. Поскольку к действительной и потенциальной парадигме каждого глагола в южновепском диалекте относится около 100 отдельных форм (см. таблицу на с. 162—163), то умножив это число на упомянутое выше общее количество глаголов, получим 200000, что и составляет весьма внушительный банк исходных данных. К сожалению, в списке не упоминаются два опубликованных Л. Кеттуненом сборника текстов «Näyteitä etelävepsästä» I—II (1920 и 1925), а также языковые примеры Л. Кеттунена и П. Сиро в «Näyteitä vepsän murteista» (1935).

Работа А. Кяхрик (вместе с приложениями 196 машинописных страниц) состоит из введения, трех основных глав, заключения, списков сокращений и символов, а также использованной литературы.

Введение весьма оправданно начинается теоретическим обоснованием исследования; автор ссылается на такие авторитеты в области морфологии, как В. А. Бондарко, А. А. Зализняк, Е. С. Кубрякова, Дж. Гринберг и др. Цель исследования — дать всестороннее представление о южновепском глаголе: привести общую парадигму; описать механизм образования словоизменяемых форм глагола; проследить развитие тех форм, трактовки происхождения которых считаются спорными или которые на прибалтийско-финском фоне составляют даже исключение. Метод исследования дескриптивный, материал рассмотрен синхронно, однако в связи с некоторыми спорными или неисследованными проблемами привлечались и диахрония. Опираясь на обобщающие монографии К. Майтинской и А. Лаанеста,

А. Кяхрик даёт обзор грамматических категорий, составляющих основу прибалтийско-финской глагольной парадигмы, кратко характеризуя наклонения, времена, залоги, лица, число и аспект речи, а также инфинитивные формы. Предваряя анализ южновепского материала, она рассматривает и средне- и северновепское спряжение. Все это необходимо для создания подходящего фона. Отношение автора к существующим исследованиям критично, что заслуживает одобрения, однако при этом желательнее было бы более всестороннее приведение материала вместе со словоформами (сейчас речь идет только о форматах).

Здесь же логично и последовательно анализируются работы, в той или иной степени рассматривающие вопросы глагольного словоизменения в вепском языке, в том числе «Грамматика вепского языка» (1981). Можно согласиться, что при фиксации соответствий категориальной системы и элементов словоизменительных форм в «Грамматике» имеет место «некоторая непоследовательность». В частности, это касается непризнания автором «Грамматики» оппозиции актив-пассив. Однако, нам кажется, что считать глагольные формы на *-tas*, *-tihe* ~ *-t'he* представителями грамматического значения имперсонала (пассива — по Кеттунену) только по формальному признаку, как это сделано в рецензируемой работе, неправомерно, ибо, как известно, в северновепском диалекте они являются почти единственными для 3-го лица мн. числа индикатива (презенса и имперфекта). В южновепском и средневепском диалектах формы на *-tas*, *-tihe* ~ *-t'he* употребляются параллельно с формами на *-ba*, *-iba* как в значении неопределенно-личном, так и в значении 3-го лица мн. числа индикатива. Поэтому можно говорить о сдвиге грамматического значения рассматриваемых глагольных форм, однако сомнительно включение их в парадигму-модель, т. е. в конечном счете — признание в современном вепском языке оппозиции актив-пассив. В части терминологии автор пренебрегла традиционным «инфинитив на *-ma*» и предпочла ему «супин», подробнее не обосновав эту замену. На с. 27 сказано, что в одном из эстонских диалектов отрицательный глагол спрягается. Желательно уточнение: где? Эстонскую форму с

nuks А. Кяхрик считает чисто теоретической (с. 19), однако один из рецензентов слышал ее в Южной Эстонии от самых пожилых носителей диалекта (тип *võinuss olla* 'могло бы быть', *saanuss tetä* 'можно было бы сделать').

Основная часть начинается второй главой «Элементы системы глагольного словоизменения и их комбинирование в южновепском диалекте», которая также имеет значительный теоретический уклон. Обсуждается, почему в качестве исходной формы для анализа в вепском языке подходит именно инфинитив (т. е. инфинитив на *-da*), какие формы эквивалентны и какие суффиксы следует вообще исключить из парадигмы-модели глагола. Вполне обоснованно автор оставляет вне внимания конструкции с вспомогательными словами типа *tariž* + инфинитив и др. (с. 55), поскольку такими расширенными парадигмами ещё и в морфологии глагола эстонского языка никто не занимался.

Центральная проблема данной главы — наличие претерита в южновепском диалекте. Претерит — это прошедшее время, не известное в других прибалтийско-финских языках. В имеющихся исследованиях компонент *škeñž* или *ške* считался вообще словообразовательным суффиксом глагола, но А. Кяхрик показывает, что в наши дни эти элементы используются как временные форманты. Эта проблема анализируется тщательно, взяты на вооружение даже опросные тесты. Исчерпывающее решение, очевидно, все же не достигнуто, поскольку хотя вепский информант и акцентирует, например, форму *andaškēž* '(он) дал', сам он спонтанно употребляет *andoškēž* (с. 77), что отсылает к четкому имперфекту на *-i*; ср. *i andoške* ~ *andiške* (с. 77).

Как нам показалось, иллюстративный материал позволяет заключить, что глагольные формы на *ške*, *škež* выражают действие, которое можно характеризовать как незавершенное (на русский язык все примеры можно перевести глаголами несовершенного вида, что в работе в основном и сделано). Таким образом, речь может идти об аспекте действия. Хотя, как известно, аспект как грамматическая категория отсутствует в прибалтийско-финских языках, однако в некоторых языках аспект действия может быть выражен различными способами, в т. ч. показателем

времени. Таким образом, не исключено, что отличие глагольных форм на *ške* и *škēž* от других форм прошедшего времени состоит в акцентировании имперфективного (курсивного) аспекта действия, т. е. действия незавершенного в отличие от действия, выражаемого другими формами прошедшего времени, которое может быть завершенным (перфективным) или незавершенным в зависимости от формы объекта.

В третьей главе «Фонетическая реализация категорий глагольного словоизменения в южновепском диалекте» рассматриваются мотивированная и немотивированная вариантность структурных единиц, а также словоизменительные типы глаголов. И здесь автор вносит поправки в неточные толкования некоторых исследователей, например, в связи с интерпретацией Р.-П. Риттером условий употребления формативов *t'he* ~ *t'hō* и *bad* (с. 90). Промелькнула в работе интересная форма причастия на *hut* в предложении *lapsen t'ehhut malitvon andab* 'после того как родила ребенка, заказывает молебен', анализ которой отсутствует. Жаль, что отсутствует хотя бы ссылка на происхождение необычной формы. В рассмотрении основных форм глагола остается неясным, почему форматив *iži* не отделен от основы в форме кондиционалиса *magadaiži* 'он спал бы' (с. 114) (ср. там же императив *мага + кам* 'давайте спать'). Вообще представляется, что имея в виду варианты основы в случае с глаголом 'спать', можно было обойтись гораздо меньшим количеством основных форм. Не имеем ли мы здесь лишние исходные признаки? Если же для описания вепского глагола непременно нужны 10 основных форм (см. таблицу на с. 173—176), нашлось бы, вероятно, более подходящее слово для иллюстрации.

По поводу глаголов с недостаточной парадигмой возникает вопрос, не следует ли иногда наряду с 3-м лицом учитывать

и 1-е и 2-е лицо. В эстонском языке такая возможность имеется в случаях переносного значения (напр. *Ara mulise!* 'Не журчи!').

Всего автором выявлено 79 словоизменительных типов южновепского глагола. В соответствующей таблице (с. 183—190) номер типа введен в перечень глаголов. В интересах более удобного пользования работой следовало бы таблицы поместить в текст, поскольку они органически относятся к анализу.

В четвертой главе «Возвратный глагол и возвратное спряжение в южновепском диалекте» собрано все, что касается этого типа глаголов. Выделение их в отдельную группу целесообразно. Вообще, если не считать помещения таблиц в конец работы, автор очень тщательно продумала структуру исследования. О творческом подходе к материалу в целом свидетельствует и то, что по поводу возникновения вепских возвратных глаголов удалось дать новое, приемлемое объяснение: в формировании словоизменительных возвратных суффиксов фактор аналогии сыграл большую роль, чем считалось до сих пор.

Заключение содержит основные выводы, всесторонне аргументированные в работе. Особого одобрения заслуживают те выводы, что связаны с творческой работой мысли исследователя, например, принципы организации глагольных форм диалектного языка, приспособление методики определения словоизменительных типов глагола литературного языка для диалектного материала, мыслимое решение вопроса о происхождении форм претерита.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты можно использовать как в академическом преподавании, так и в дальнейшем исследовании финно-угорских языков.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту),
МАРИЯ ЗАЙЦЕВА (Петрозаводск)